

УДК 316.614:004.89

DOI: 10.18799/26584956/2025/2/1969

Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Специфика информационной и цифровой социализации: акторно-детерминированный подход

В.А. Шелгинская✉

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Екатеринбург

✉victoria.shelg@yandex.ru

Аннотация. Исследования различных аспектов социализации направлены на решение важных задач общественного развития, связанных с интеграцией индивидов в общество и его гармоничным функционированием. Стремительное появление и популяризация цифровых технологий вынуждают так же стремительно адаптировать существующие теоретические и практические разработки к новым условиям, что приводит к запаздыванию их концептуального осмысления, тогда как именно от характера концептуализации во многом зависит дальнейшее внедрение инструментальных решений, анализ рисков и возможностей. На основе аналитического обзора отечественной научной литературы структурированы существующие подходы к оценке специфики информационной и цифровой социализации. Охарактеризованы тенденции, осложняющие их семантическую дифференциацию (взаимозаменяемость категорий, концептуальная инверсия) и концептуальную (дискуссионность интериоризационного и адаптационного аспекта, поколенческая дискуссионность роли в качестве агента вторичной социализации, двойственность целеполагания). На основе сравнительного анализа, базирующегося на принципах акторно-сетевой теории и социокультурного подхода, выделены особенности, влияющие на специфическое положение исследуемых категорий по отношению к традиционным видам социализации (неоднозначность социокультурной преемственности, двойственность функциональной интерпретации, трансформация акторов процесса социализации и изменение характера их воздействия). Предложено разделять указанные виды социализации в зависимости от специфики проявления ключевого актора: традиционная социализация в цифровом пространстве (акторы – реальные люди, репрезентируемые на цифровых платформах и являющиеся носителями существующих социокультурных особенностей), цифровая социализация (с участием цифрового социального актора, представляющего собой результат генеративной технологии искусственного интеллекта, но не имманентным носителем социокультурного «багажа» человечества) и информационная социализация (информация как продукт реального социального актора – носителя социокультурных особенностей). При этом принципиально специфическое положение цифровой социализации определяется наличием актора, не являющегося в полной мере «человеком» или «не-человеком», но который способен осуществлять передачу социокультурных смыслов и опыта не только «из прошлого – в настоящее», но и «в настоящее – из потенциального будущего». Предложенный подход обозначает новый ракурс изучения предметной и смежных областей, который требует дальнейшего междисциплинарного изучения, а также актуализирует проблему сопоставления с результатами зарубежных исследований в части анализа цифровых сущностей.

Ключевые слова: информационная социализация, цифровая социализация, социализация, искусственный интеллект, генеративные технологии, цифровая трансформация, нейросеть, социокультурные системы, акторно-детерминированный подход, акторно-сетевая теория, цифровой социальный актор

Для цитирования: Шелгинская В.А. Специфика информационной и цифровой социализации: акторно-детерминированный подход // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 2. – С. 60–75. DOI: 10.18799/26584956/2025/2/1969

UDC 316.614:004.89

DOI: 10.18799/26584956/2025/2/1969

Specifics of informational and digital socialization: actor-deterministic approach

V.A. Shelginskaya✉

*Ural Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russian Federation*

✉victoria.shelg@yandex.ru

Abstract. Researches of various aspects of socialization aim to solve important problems of social development, society integration and its harmonious functioning. Rapid emergence and popularization of digital technologies forces us to adapt existing theoretical and practical concepts to new conditions, which leads to delay in conceptual understanding. Further development of instrumental solutions, risk and opportunity analysis largely depend on the nature of such conceptualization. Based on systematic review of Russian language scientific literature, we structured the existing approaches to guess the specifics of informational and digital socialization. The paper characterizes the tendencies complicated their semantic and conceptual differentiation (internalization and adaptation aspects debatability, generational debatability of secondary socialization role duality of goal-setting). Based on a comparative analysis using the principles of actor-network theory and the socio-cultural approach, the authors identified the features determining the specifics of investigating categories in the socialization structure (such as: socio-cultural continuity ambiguity, functional interpretation duality, transformation of socialization actors and changes in the nature of their influence). The fundamentally specifics are determined by emergence of actor who does not belong to a “human” or “non-human” being and who is capable of transmitting socio-cultural meanings and experience not only “from past to present,” but also “from potential future to present”. We propose to divide the specified types of socialization depending on key actor specifics, namely: traditional socialization in digital space (the actors are represented on digital platforms real people who carry on the existing socio-cultural features), digital socialization (with a digital social actor who is the result of generative artificial intelligence technology, but not an immanent carrier of humanity’ socio-cultural “baggage”) and informational socialization (information as a product of a real social actor who is a carrier of socio-cultural features). The proposed approach indicates a new perspective for considering the socialization subject and related areas, which reveals a number of provisions requiring further interdisciplinary study, such as: the comparison with foreign cultural research context, analysis of generational specifics, deep socio-philosophical understanding of digital entities.

Keywords: informational socialization, digital socialization, socialization, artificial intelligence, generative technologies, digital transformation, neuronet, socio-cultural systems, actor-deterministic approach, actor-network theory, digital social actor

For citation: Shelginskaya V.A. Specifics of informational and digital socialization: actor-deterministic approach. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 2, pp. 60–75. DOI: 10.18799/26584956/2025/2/1969

Введение

Проблематика информационной и цифровой социализации активно обсуждается в научно-исследовательском поле с начала XXI в. За последние несколько лет количество работ растет одновременно с тенденцией сужения проблемного поля. Можно наблюдать перенос фокуса внимания на частные проявления и импликации этих феноменов в различных прикладных отраслях. Значительно меньшее количество исследований посвящено социально-философскому, социокультурному или антропологическому осмыслению сущностной специфики информационной и цифровой социализации. Подобная асимметрия обостряет риски

определенного искажения логики познания нового явления (или новой его формы), когда инструментальные аспекты рассматриваются с опережением концептуальных. Более того, влияние новых агентов социализации, в частности генеративного искусственного интеллекта, обостряет значимость доработки концептуальных оснований, определяющих специфику информационной и цифровой социализации с точки зрения вовлеченных акторов.

Специфика информационной и цифровой социализации во многом определяется особенностями их ведущих акторов. Поэтому, по мнению автора, от того, какое направление будет задано в научной дискуссии анализу специфики информационной и цифровой социализации, зависит качественное состояние развития научного знания в данной области и в конечном счете те решения, которыми будут в дальнейшем руководствоваться специалисты учреждений образования, воспитания, культуры и досуга.

Данной статьей автор хотел бы внести свой вклад в формирование этого вектора, заострив внимание научного сообщества на некоторых особенностях информационной и цифровой социализации. Таким образом, данное исследование, с одной стороны, дополняет продолжающуюся научную дискуссию по данной теме. С другой стороны, в ней предпринимается попытка сформировать отличный от представленных ракурс рассмотрения – акторно-детерминированный – и проанализировать специфику информационной и цифровой социализации не с точки зрения технико-технологических инноваций, но с точки зрения особенностей проявления самих информационных, цифровых акторов и влияния этих особенностей на социокультурную преемственность.

Цель исследования – охарактеризовать специфичность информационной и цифровой социализации по отношению к традиционной социализации на основании особенностей ключевого актора. Решаемые задачи предполагают выявление дискуссионных аспектов, существующих в отечественном научно-исследовательском поле, и установление характеристик ключевого актора, определяющих специфику информационной и цифровой социализации.

Методология и дизайн исследования

Дальнейший анализ проводился на основе акторно-детерминированного подхода и опирался на постулаты акторно-сетевой теории, согласно которым упорядочивание социальных явлений происходит в результате повседневных действий в рамках индивидуальных стратегий при взаимодействии с различными акторами (объектами и людьми), специфика которых определяет степень стабильности и характер функционирования этих взаимодействий. Далее анализируется специфика акторов информационной и, в особенности, цифровой социализации как сущностей, отчасти формируемых человеком со свойственными ему социокультурными шаблонами, а отчасти – формирующихся самопроизвольно (обучаясь на генеративном материале).

Анализ основан на принципах [1]: гибридации (включение при рассмотрении взаимоотношений нечеловеческих объектов как равноправных акторов, влияющих на качественные состояния и взаимоотношения всех элементов рассматриваемой системы действия); семантического плюрализма (способность создавать и распространять знания и смыслы не является свойством, присущим исключительно человеку); динамизма (в результате динамических и персонифицированных отношений между акторами любой природы создаются новые модели поведения, новые отношения и т. д.); неоднородности (открытость к взаимному переходу статуса доминирующего актора воздействия).

Соответственно, применение инструментального и когнитивного подходов к исследованию информационной и цифровой социализации представляется не лишенным существенных ограничений в контексте исследования. Первый подход, с точки зрения автора статьи, значительно сужает и упрощает анализ специфики информационного и цифрового акторов, рассматривая исключительно ее технико-технологический аспект, связанный с появлением

новых устройств и Интернет-ресурсов. Второй подход лежит в области психологии и изучения причинно-следственных связей между социализантом и агентом, при этом остается без должного внимания сущностная специфика самого актора. Преимущество применения данного подхода проявляется в том, что он позволяет установить специфику акторов информационной/цифровой социализации более углубленно, раскрывая ее не через репрезентацию социализатора человеческой природы в информационной и цифровой среде, но как интегрального агента, формирующегося в единстве естественного и искусственного, традиционного и инновационного. Это позволяет не только обойти изложенные выше ограничения инструментального и когнитивного подходов, но и представить основу для дальнейших исследований в рамках когнитивного подхода с учетом представленной специфики информационного и цифрового акторов.

Методологическая рамка исследования также дополняется элементами социокультурного подхода, рассматривающего единство культуры и социальности, преобразующихся в процессе деятельности и взаимодействий и заключающихся в триаде «личность–культура–общество». Анализ опирается на следующие принципы этого подхода [2], объединяя их с принципами акторно-детерминированного: единства личностного, культурного и социального (межличностного) компонентов общественной жизни, взаимосвязи идеального и реального (теоретического и фактически наблюдаемого), функционально-динамического единства (процессы сохранения и воспроизводства существуют наряду с процессами развития и изменения).

Структура исследования представлена двумя блоками по два подраздела:

- Первый блок – обзорно-аналитический – посвящен обобщению и анализу источников, характеристике дискуссионных аспектов. Анализ проводился на основании обзора отечественной научной литературы за 2010–2024 гг. Отбор литературы производился на базе российской научной электронной библиотеки. Общее количество публикаций, в которых упоминаются устойчивые словосочетания «информационная социализация» и «цифровая социализация», составило около 1,5 тыс. Из них были выбраны 614, которые содержали соответствующие словосочетания в названии, аннотации, ключевых словах и были ограничены по типам материалов (научные статьи, статьи в научных сборниках и книгах, диссертации). Дальнейшее сокращение публикаций, отобранных для более детального изучения, проходило по критерию наличия/отсутствия в материале аналитических рассуждений и полемики относительно содержания исследуемых категорий (то есть исключались те материалы, которые принимали исследуемые термины в качестве интуитивно понятных или опирались аксиоматически на предложенные определения).
- Второй блок – концептуально-аналитический – посвящен выявлению специфики рассматриваемых акторов и, соответственно, определению специфического положения информационной и цифровой социализации в структуре видов социализации. Анализ отобранных публикаций проводился на основе элементов: социокультурного подхода (взаимосвязанность личностного, общественного и культурного компонента, а также двусторонняя динамика процессов в социокультурных системах: воспроизводящих и изменяющих) [3]; феноменологического подхода к социализации (рассмотрение процесса и результата социализации как постоянного взаимного перехода и отождествления объективной и субъективной реальности) [4]; акторно-сетевой теории (рассмотрение акторов-«людей» и «не-людей» как равноправных элементов социотехнических сетей, формирующих системы действия, смыслов и значений) [1].

Обзор литературы

Социализация в общем виде определяется как «двусторонний процесс передачи обществом и освоения индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения» [5, с. 139]. Социализация является важным элементом системы «лич-

ность—культура—общество», посредством которого осуществляется взаимосвязь и преемственность его составляющих, где культурные шаблоны и ценности передаются и воспринимаются личностью в процессе и в результате взаимодействия с социальным окружением. При этом в контексте данного исследования социальное окружение понимается достаточно широко и включает как акторов-«людей», так и акторов-«не-людей».

К настоящему моменту проблематизированы и, в той или иной степени, проанализированы различные аспекты информационной и цифровой социализации, связанные с поколенческими, социально-групповыми и региональными проявлениями, с социокультурными и образовательно-воспитательными проблемами и перспективами, с вопросами психологического и социального благополучия и др. При этом представлено сравнительно немного работ в части концептуального объяснения и обсуждения специфики информационной и цифровой социализации.

Согласно проведенному обзору литературы, информационная и цифровая социализация обычно определяется исследователями как отдельный вид социализации, специфичность которого детерминируется тем или иным фактором в зависимости от контекста анализа или авторской позиции. Так, в ряде случаев отмечается, что термины информационной и цифровой социализации характеризуют «расширение качеств традиционной социализации» [6, с. 79], в том числе ввиду опосредования процесса традиционной социализации цифровыми технологиями и онлайн-контекстом [7].

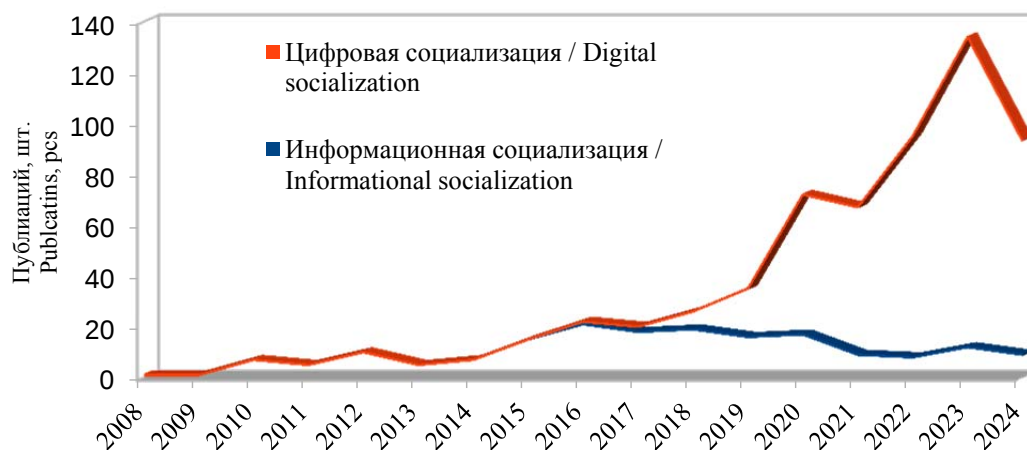
Специфика информационной социализации обосновывалась исследователями:

- особенностями общественного опыта работы с информацией различных типов и на различных уровнях информационного пространства [8–10];
- особенностями освоения информационных технологий, формирования культуры работы с информацией и информационно-коммуникационными средствами [11];
- особенностями воздействия специфического агента: СМИ, информационных ресурсов (аналоговых и цифровых) [12–14] либо информационного пространства в целом [15];
- особенностями механизма передачи социального опыта в информационном пространстве, содержание которого формируется информационно-технологическими средствами [16];
- особенностями передачи и усвоения социальных норм и шаблонов поведения в виртуальных сетевых сообществах, интеграции в эти сообщества [17, 18].
- Аналогично обосновывалась и специфика цифровой социализации:
- особенностями частных форм информационной социализации, связанных с освоением новых технологических средств и переносом ее в цифровое пространство [9, 19];
- особенностями воздействия цифровых средств передачи и представления информации на социокультурные и психологические качества личности [12];
- особенностями воздействия цифровых технологий [7; 20], в том числе в части формирования «цифровой личности как части реальной личности» [21];
- особенностями значимости самого факта доступа к цифровой информационной среде [22];
- особенностями включения и включенности в цифровое пространство, в том числе в сетевые сообщества и цифровую культуру [23–25], а также особенностями восприятия вырабатываемых в этом процессе шаблонов и норм [26];
- особенностями цифровой среды как отдельной «обособленной цифровой среды с собственным языком, культурой, ценностями, моделями поведения пользователей и прочими атрибутами» [27, с. 2];
- особенностями степени принятия технологических инноваций, ценностей информационного общества, адаптации и формирования ценностного отношения к ним [7, 21, 28, 29].

На основе проведенного анализа литературы можно выделить несколько дискуссионных аспектов, наличие которых не позволяет судить о том, что цель преодоления концептуальной неопределенности в установлении специфики информационной и цифровой социализации по отношению к традиционным видам безоговорочно достигнута.

Первый аспект, остающийся дискуссионным, связан с взаимозаменяемостью категорий информационной социализации и цифровой социализации, что особенно заметно при количественном анализе. Так, приблизительно с 2010 г. количество публикаций, раскрывающих термин «информационная социализация», увеличивается до 2016 г., затем постепенно снижается, а после 2020 г. – резко падает. Этому полностью соответствует обратный процесс в отношении публикаций, рассматривающих вопрос цифровой социализации: с 2016 г. количество публикаций постепенно растет, а после 2020 г. – резко увеличивается (рис. 1). Даже принимая во внимание влияние пандемии и общее развитие цифровых технологий на этот процесс, складывается впечатление, будто перераспределение публикационной тематики от одной области к другой произошло не столько с опорой на объективные различия, сколько вследствие простой замены одного термина другим ввиду его популяризации.

Достаточно часто можно наблюдать как контекстуальную, так и иерархическую взаимозаменяемость, а также синонимичное употребление рассматриваемых категорий. Вместе с тем можно выделить ряд работ по их концептуальной дифференциации. Так, М.С. Гусельцева придерживается трехуровневой структуры рассмотрения, в основе которой лежит разделение по принципу технологической взаимосвязи (общий уровень связан с культурно-историческим контекстом, средовой – с освоением средств упорядочивания информации, частный – с освоением отдельной технологической интернет-ниши), где информационная социализация представляет собой общий уровень, а цифровая – частный [9]. Противоположной позиции придерживается Г.У. Солдатов и соавторы, указывая на то, что «цифровая социализация» охватывает более широкий спектр инфокоммуникационных процессов, чем «информационная социализация» [30]. А.С. Ходаев предлагает сложную пересекающуюся структуру их взаимного расположения, где категория информационной социализации включает подмножества медиасоциализации, виртуальной, интернет- и онлайн-социализации, но не ограничивается ими, и пересекается с подмножествами цифровой и киберсоциализации [31].

Рис. 1. Динамика количества публикаций по предметным областям «информационная социализация» и «цифровая социализация» (шт/год)

Fig. 1. Dynamics of the publications volume for the search requests "information socialization" and "digital socialization" (item/year)

Второй дискуссионный аспект связан с практикой подмены категорий информационной (цифровой) социализации и социализации в цифровом (информационном) пространстве, то есть с концептуальной инверсией значений данных понятий. По мнению автора статьи, эти категории связаны с принципиально различными положениями, лежащими в основе ана-

лиза. Так, рассмотрение социализации в цифровом (информационном) пространстве предполагает сохранение всей акторно-процессной системы традиционной социализации в неизменном виде, но перенесенной в плоскость удаленного, нематериального взаимодействия. Рассмотрение же информационной (цифровой) социализации, наоборот, предположительно должно подчеркивать техногенную природу этого процесса [32].

В проанализированной литературе можно выделить ряд предложений по концептуализации этих различий, по более четкому разделению указанных категорий. В.И. Рерке разделяет их на внешние (различные виды и каналы поступления информации) и внутренние (особенности и социально-поведенческие последствия усвоения информации) [33]. Е.В. Грязнова, А.А. Хлап – на естественные (передача социокультурных шаблонов элементарными средствами, а также в процессе живого взаимодействия) и искусственные (при включении в этот процесс информационно-коммуникационных средств), происходящие одновременно на двух уровнях [34].

Согласимся с исследователями в том, что невозможно отрицать параллельность протекания процессов социализации в материальном и информационном (и цифровом в частности) пространстве. Тем не менее с концептуальной точки зрения подобная подмена искажает исследовательские стратегии и, в частности, затрудняет анализ и определение сущностной природы информационной (цифровой) социализации.

Наконец, третий дискуссионный аспект, отчасти следующий из вышесказанного, связан с тем, что введение и использование категорий информационной и цифровой социализации влияет на согласованность существующих теоретических построений, так как эти категории затруднительно в полной мере отнести к какому-то конкретному виду или типу социализации. Так, ранее исследователями заострялись следующие неоднозначные аспекты, которые можно отнести к этой ситуации, а именно:

- дискуссионность интериоризационного аспекта процесса социализации: «социальный опыт... в цифровой среде не будет опытом предшествующих поколений» [35, с. 18]; то есть социокультурные шаблоны, ценности, поведенческие стереотипы, представленные в ней, как минимум отражают процесс формирования опыта текущих поколений, вовлеченных во взаимодействие с этой средой, а как максимум – создают условия для формирования принципиально отличных от традиционных социокультурных систем;
- дискуссионность адаптационного аспекта процесса социализации: частичное или полное несоответствие опыта и смыслов, влияющих на пользователя в цифровой среде и вызывающих стремление придерживаться этих шаблонов, тому опыту и смыслу, в передаче которых нуждается общество «реальное» [36].

С точки зрения автора статьи, данный ряд можно дополнить следующими аспектами:

- Дискуссионность роли в качестве агента (института, пространства) вторичной социализации или ресоциализации: по отношению к поколениям, столкнувшимся с цифровыми технологиями в зрелом возрасте, это утверждение безусловно. Но можно ли сказать то же самое, например, относительно поколений Z или Альфа, для которых взаимодействие с объектами цифрового пространства опережает или даже заменяет межличностные взаимодействия с другими людьми в реальном мире, в том числе и внутрисемейную социализацию?
- неоднозначность целеполагания и ожидаемого результата, когда в понятие информационной (цифровой) социализации вкладываются отчасти противопоставляемые смыслы: либо как усвоение и приспособление пользователя к ценностям, нормам, представляемым цифровой культурой и представленными в пространстве сетевого взаимодействия [26], либо как процесс воспроизводства социально-культурных ценностей и шаблонов общества или отдельных социальных групп [37]. Но можно ли указать на первостепенность и большую общественную значимость того или другого?

Вышесказанное позволяет предположить, что для развития научного знания о данных феноменах и в целях создания эффективных приемов в работе с ними недостаточно рассматривать эти процессы через призму существующих решений, перенесенных на цифровой «ландшафт» и инфраструктуру. Требуется такое определение специфики цифровой социализации над информационной и традиционной, которое бы затрагивало более фундаментальные структуры. Возможный способ преодоления этой проблемной ситуации можно выделить в результате анализа акторных особенностей.

Специфика информационной и цифровой социализации, определяемая особенностями ключевого актора

Анализируя вышесказанное в совокупности, можно сделать ряд заключений об особенностях, определяющих специфическое положение акторов информационной и цифровой социализации по отношению к иным видам социализации.

Первая особенность связана с неоднозначностью социокультурной преемственности.

Информационная социализация существует «параллельно» социализации традиционной и в тесной неотъемлемой «сцепке» с ней. Она неизбежно связана с передачей и восприятием знаково-символической информации, сопровождающей или предвосхищающей межличностную социализацию как в процессе интериоризации, так и в ходе адаптации. Более того, с семиотической точки зрения межличностная социализация, по крайней мере в имитационном аспекте, также может быть рассмотрена как система считываемых и интерпретируемых текстов. Отражая и воспроизводя совокупный социокультурный опыт предшествующих поколений, информационная социализация проходит (с достаточной высокой степенью вероятности) в гармонии с межличностной социализацией.

Цифровая социализация также связана со знаково-символической коммуникацией, однако, в отличие от информационной (во всяком случае, на данный момент), не обязательно отражает существующий социокультурный опыт и, следовательно, не обязательно способствует передаче социокультурных шаблонов последующему поколению. Более того, опираясь на существующие подходы к интерпретации этой категории, можно даже сказать, что ее функция меняется вплоть до обратной, и вместо воспроизведения социокультурных шаблонов она, наоборот, способствует формированию и передаче шаблонов и ценностей, не относящихся к существующему человеческому опыту и закладывающих основу социокультурного пространства будущего.

Вторая особенность, соответственно, связана с двойственностью функциональной интерпретации. «Информационные» процессы социализации во многих случаях рассматриваются нейтральными в части целенаправленности или программируемости своего влияния. Тогда как «цифровые» процессы обычно предполагают коммуникативную, то есть целевым образом передающую определенные смыслы, функцию, связанную с действием определенных акторов – людей (представителей сетевых сообществ, лидеров мнений и т. д.) и не-людей (цифровыми сущностями, рассматриваемыми далее), если использовать терминологию акторно-сетевой теории.

Из данной особенности, а также ввиду неопределенности вопроса о первичности/вторичности информационной и цифровой социализации для молодого поколения частным образом следует специфика рассмотрения инструментального аспекта, в частности – особенности соотношения традиционного-инновационного технико-технологической платформы с воспроизводством-изменением социокультурных шаблонов и ценностей:

1. Передача, усвоение и воспроизведение существующих социокультурных шаблонов и ценностей посредством представленной на цифровом носителе информации или через представленные в цифровом пространстве социальные группы, сообщества, личностей.

2. Формирование, усвоение и ретрансляция отличных от существующих социокультурных шаблонов и ценностей, в том числе ценностей цифровой культуры и цифрового общества, посредством традиционных носителей информации или через традиционные институты и акторов социализации.

Снятие этого противоречия, по мнению автора статьи, содержится в третьей особенности, выделяемой далее.

Вышеуказанные две особенности можно выделить на основании проведенного анализа литературы. Их наличие формирует предпосылки для специфического функционирования актора цифровой социализации, в частности: рассогласованность с процессами традиционной социализации и сравнительно более низкую степень коммуникативной неопределенности по отношению к информационной. С точки зрения автора статьи, существует третья существенная особенность, не акцентированная ранее, но представляющая критическую важность в эпоху тотального знакомства с технологиями искусственного интеллекта и более того – проявившаяся именно вследствие этого.

Третья особенность связана с трансформацией самих акторов процесса социализации и изменением характера их воздействия.

Так, наряду с традиционными акторами-«людьми» (социальные группы, общности, институциональные акторы) и информационными акторами-«не-людьми» (аналоговые и цифровые носители обезличенной информации) можно выделить два специфических актора, характерных только для цифрового пространства и цифровой социализации и обладающих своей собственной спецификой:

1. Виртуальная общественность и сетевые сообщества как ее часть. Они выполняют ценностно-коммуникативные и референтные функции, провоцируют процессы имитации и адаптации, однако при этом могут не являться реальными объектами, существующими в материальном пространстве. Пример активности иллюзорной виртуальной общественности можно увидеть в действиях аккаунтов-ботов, стимулирующих сетевую активность и создающих иллюзию реальных людей с реальным опытом и социокультурным портретом.

2. Искусственный интеллект и основанные на нем чат-боты. Они выполняют те же функции, что и иллюзорная виртуальная общественность, с рядом отличий. Во-первых, их влияние более персонализированное ввиду ориентации на запросы или поведение пользователя. Во-вторых, их влияние связано с большей степенью неопределенности, чем влияние, исходящее от традиционных источников. Это связано с тем, что они могут обучаться на большом массиве цифровых данных (которые отражают цифровое социокультурное пространство, а не материальное), на специально сформированных базах обучающих данных (так называемые базы «синтетических» данных, которые могут быть специально сформированы в определенных целях и, соответственно, не отражать ни материальное социокультурное пространство, ни цифровое пространство взаимодействия реальных пользователей), на данных, представляющих собой результат вторичной обработки искусственным интеллектом ранее сгенерированного контента. Например, чат-боты с генеративным искусственным интеллектом¹ (ссылка на организацию, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации) или сгенерированные нейросетями аккаунты людей, не существующих в реальности², которые создают иллюзию реальных людей, репрезентируемых в цифровом пространстве.

Появление и усиление этих акторов, которых невозможно в полной мере отнести ни к «людям», ни к «не-людям», усложняют акторную структуру социализирующего взаимодей-

---

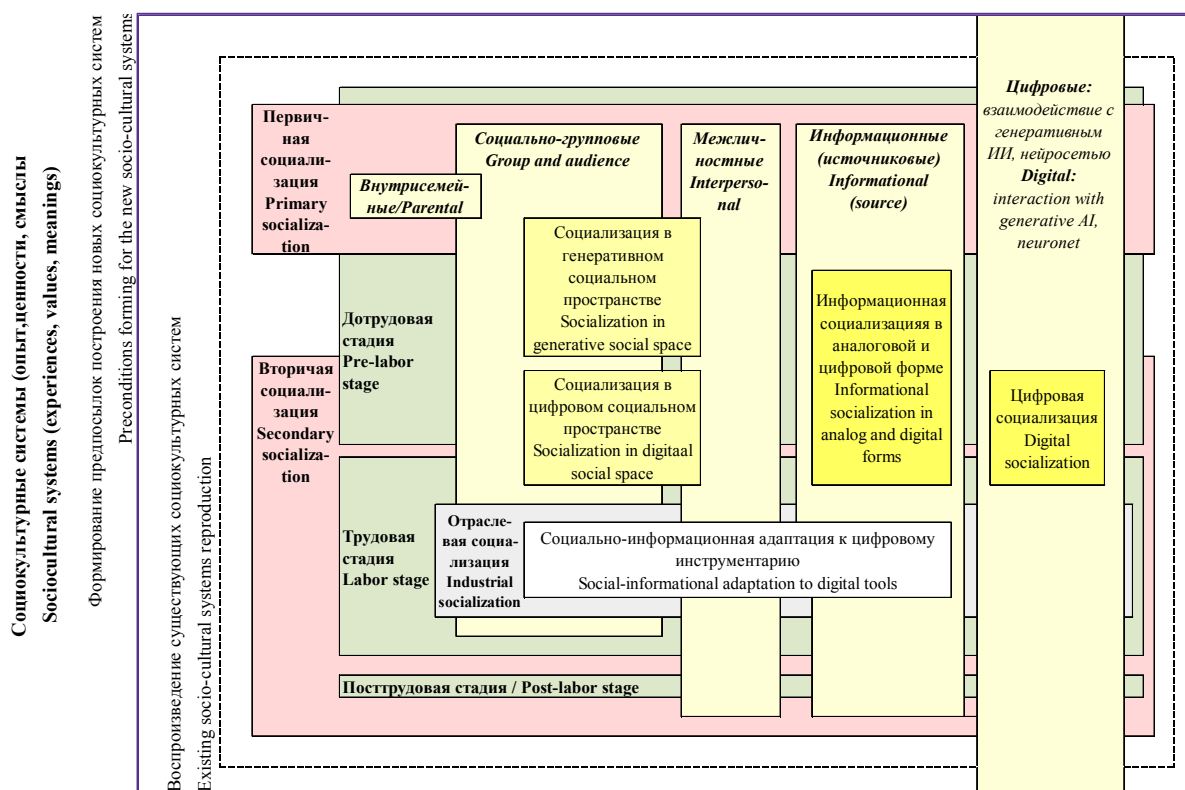
1 ChatGPT заменил мне друзей. URL: <https://tech.onliner.by/2025/01/30/eti-belorusy-ne-mogut-zhit-bez-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения 27.02.2025).

2 Официально: в Facebook и Instagram уже тысячи «виртуальных профилей». URL: <https://vc.ru/ai/1737985-oficialno-v-facebook-i-instagram-uzhe-tysyachi-virtualnyh-profilei> (дата обращения 27.02.2025).

ствия, так как эти акторы представляют собой специфических агентов, способных создавать персонализированные траектории социализации для каждого индивида, при этом не будучи связанным с функцией воспроизводства социокультурных шаблонов и ценностей. Однако это же, по мнению автора статьи, способно внести ясность в концептуализацию категориальных отличий традиционного, информационного и цифрового видов социализации.

На основании изложенного можно прийти к заключению, что *ключевыми факторами, определяющими специфику информационной и цифровой социализации, являются:* социокультурная преемственность и характер ключевого актора воздействия. Тогда как инструментальные (технично-технологические, источникивые) различия можно считать концептуально второстепенными.

Таким образом, специфическое отличие информационной и цифровой социализации от традиционной (рис. 2) характеризуется наличием актора, которого нельзя однозначно отнести к категории «человека» или «не-человека», но который способен осуществлять передачу социокультурных смыслов и опыта не только «из прошлого – в настоящее», но и «в настоящее – из потенциального будущего». Кроме того, появление такого рода «иллюзорных» социальных акторов принципиально отличает процессы цифровой социализации от информационной или социально-групповой за счет приобретения свойств референтности по отношению к объекту социализации, которые до этого были доступны только традиционным акторам. Это потенциально делает возможными процессы имитации и идентификации с цифровым актором, преимущественно недоступные для информационной социализации. А также поднимает вопрос о возможных рисках, связанных с двусторонним характером социокультурной целеориентации, которые не были свойственны традиционной и информационной социализации.

Рис. 2. Концептуальная схема положения информационной и цифровой социализации в структуре видов социализации

Fig. 2. Conceptual scheme of information and digital socialization position in the structure of socialization types

Как видно из рис. 2, специфическое проявление информационной, цифровой социализации и социализации в цифровом социальном пространстве во многом определяется физическим и социокультурным характером их акторов.

Традиционная социализация (межличностная и социально-групповая) построена на взаимоотношениях реальных акторов-«людей». С этой точки зрения к традиционной можно отнести и социализацию в цифровом пространстве, так как в нее вовлечены реальные люди и созданные ими материальные объекты, которые, следовательно, являются носителями социокультурного наследия реального общества.

Информационная социализация протекает во многом в отсутствие актора-«человека» при наличии материального объекта – носителя информации, который можно рассматривать в качестве актора-«не-человека». Функции социокультурного воспроизводства или, наоборот, инновационного изменения могут реализовываться в результате информационной социализации наравне друг с другом. Однако, обезличенность информационной социализации делает этот процесс менее персонифицированным, что повышает роль критического мышления личности, которая может сопоставить получаемую информацию с накопленным социокультурным опытом человечества, переданным ей посредством традиционной социализации.

Цифровая же социализация характеризуется наличием актора, который не является в полной мере человеком или материальным объектом-носителем информации, но который ввиду своей генеративной или программной природы способен имитировать взаимодействие с актором-человеком. Это позволяет отнести цифровую социализацию одновременно и к межличностным видам социализации, и к ее специфическому виду, где ведущим актором выступает цифровая сущность (чей характер взаимодействия детерминируется генеративным процессом или запрограммированным шаблоном). Это обуславливает сравнительно наиболее высокую степень персонализации (поскольку все особенности взаимодействия с конкретным индивидом-пользователем разрабатываются на основе его собственного «цифрового следа»), а также сравнительно более высокую степень определенности результата коммуникации (поскольку программирование конкретных цифровых акторов позволяет формировать алгоритмы, способствующие достижению необходимых целей) и меньшую степень воспроизводства традиционных социокультурных шаблонов (поскольку генеративное взаимодействие в многом опирается на представленные в цифровом пространстве данные, использование которых определяется их доступностью, вероятностью включения в обработку, релевантностью пользовательскому запросу, распространенностью и пр.).

Заключение

В данном исследовании, опираясь на результаты аналитического обзора литературы и критического анализа отечественной научной литературы, автор предлагает альтернативный взгляд на обоснование специфичности информационной и цифровой социализации по отношению к традиционным видам социализации. Сущностным результатом является аргументация ключевой роли социокультурной специфики информационного и цифрового актора по отношению к традиционным акторам. Это позволило сформулировать авторское трактование понятий:

1. Социализации в цифровом пространстве – как процессов социализации, протекающих в цифровой форме, но с участием реального социального актора, являющегося носителем социокультурных особенностей своей среды и предшествующего общественного опыта. В данном случае акторы социализации – реальные люди, репрезентируемые на цифровых платформах.

2. Цифровой социализации – как процессов социализации, протекающих в цифровой форме с участием цифрового социального актора (социально-цифрового актора), являющегося результатом генеративной технологии искусственного интеллекта.

Цифровой социальный актор не является живым человеком, существующим в материальном теле и обладающим личностью, и не является имманентным носителем социокультурного «багажа» человечества и отдельных групп. Поэтому с точки зрения социокультурного социализирующего функционала его положение двояко. С одной стороны, обучаясь на массиве данных, которые предоставляются для этого реальными людьми (по крайней мере, на начальном этапе своего развития), цифровой социальный актор в той или иной степени, с учетом возможных искажений, воспроизводит определенную часть социокультурного опыта, то есть выполняет часть социализирующих функций. С другой стороны, тесная связь такого актора с цифровой культурой и ее ценностями, риски последующего обучения на уже сгенерированных данных, а также предопределенность программных предпосылок позволяют рассматривать его как «транслятора» ценностей и опыта, отличных от тех, которые накапливались в предшествующем человеческом опыте.

3. Информационной социализации – как процессов социализации, возникающих при субъект-объектных взаимодействиях человека с неперсонифицированными носителями информации. Ее социокультурные особенности в общем виде схожи с изложенными выше с той разницей, что отсутствует генеративная компонента, то есть представляемая информация есть продукт реального социального актора, являющегося носителем социокультурных особенностей своей среды и предшествующего общественного опыта.

Подводя итог проведенному исследованию, остановимся также кратко на возникших в его процессе вопросах и ограничениях, которые могут послужить основой дальнейших теоретических и эмпирических изысканий.

Во-первых, представляет интерес оставшийся за пределами данного исследования анализ зарубежных публикаций, поскольку именно за рубежом популяризируется восприятие искусственного интеллекта не только как «помощника, эксперта, коллеги», но и как «друга, близкого знакомого», и его дальнейшее сравнение с представленным здесь обзором отечественных наработок. Во-вторых, неизбежно обостряется дилемма поколенческого перехода. Сейчас можно говорить о программируемом социокультурном опыте с позиций настоящего времени, для которого цифровая реальность во многом еще является аспектом будущих времен (поэтому в представленной выше структуре социализации она может выполнять как воспроизводящую, так и программирующую функции). Но возникает вопрос «Как изменится исследуемое поле в ситуации, когда программирующая функция будет не столь обострена, а воспроизводящая – осложнена генеративностью социально-цифрового пространства?». В-третьих, дальнейшее исследование данной темы требует более глубокого и всестороннего осмысления социально-философской сущности, характера, преимуществ и угроз социально-цифрового актора.

В целом предложенный подход к рассмотрению специфики цифровой социализации может, по мнению автора, существенно повлиять на дальнейшее развитие этой предметной области в научном сообществе, обостряя такие важные для дальнейшего изучения аспекты, как оценка рисков и траекторий социальных изменений, происходящих под влиянием информационной и цифровой социализации; разработка программных решений, внедрение которых будет способствовать выработке необходимого направления цифровой социализации по отношению; концептуализация структурных дополнений теории социализации, акцентированных развитием цифровых акторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мозалевская Д.А. Акторно-сетевая теория как методология современных социальных исследований // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2022. – № 3. – С. 67–75. EDN: RHAIOO.
2. Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2. – С. 305–328. EDN: NRBVPR.

3. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 3–12. EDN: SYRCZN.
4. Рагулина А.М. Возможности применения классических теорий социализации в современных социологических исследованиях // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 5 (97). – С. 78–84. DOI: 10.24158/spp.2022.5.11. EDN: AKLOHZ.
5. Ковалева А.И. Социализация // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 139–143. EDN: IJUGBP.
6. Стародубцева Г.А. Об информационной и цифровой социализации детей дошкольного возраста // International Journal of Medicine and Psychology. – 2021. – Т. 4. – № 8. – С. 77–86. EDN: KJHQZZ.
7. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. – 2018. – № 9 (3). – С. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308. EDN: YQSMUX.
8. Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии. Коллективная монография / под ред. Т.Д. Марцинковской. – М.: Социальные науки, 2010. – 284 с.
9. Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к феномену информационной социализации // Мир психологии. – 2010. – № 3 (63). – С. 26–34. EDN: MVLQZT.
10. Валевич Е.А. Деятельность публичных библиотек по информационной социализации пользователей // Научные и технические библиотеки. – 2013. – № 8. – С. 16–23. EDN: QZQDTP.
11. Казначеева Н.Н. Развитие ценностных ориентаций личности при изучении литературы в условиях информационной социализации // Вестник Костромского государственного университета. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». – 2016. – Т. 22. – № 4. – С. 207–211. EDN: YFMLEN.
12. Гребенникова О.В. Проблема информационной социализации педагогов: социальные представления и информационные предпочтения // Мир психологии. – 2011. – № 2 (66). – С. 207–213. EDN: OPHNKP.
13. Голубева Н.А. Информационная социализация (психологические условия и факторы): дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2012. – 126 с. EDN: QFZOLD.
14. Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6. – № 30. – С. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.679>. EDN: SFJMHN.
15. Молчанова Г.В. Информационная социализация дошкольника: основные подходы и направления исследования // Психология обучения. – 2015. – № 12. – С. 73–83. EDN: UYMMTR.
16. Грязнова Е.В., Афанасьев С.В. Индивидуализация человека в информационной социализации // Философская мысль. – 2017. – № 1. – С. 17–29. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.1.20968. EDN: XXRCSE.
17. Юдеева Т.В. Психологические особенности информационной социализации личности // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия «Педагогика. Психология». – 2017. – № 2 (8). – С. 167–171. EDN: YWBOTJ.
18. Камбарова К.У. Социализация в век информации // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2019. – № 2-3 (46). – С. 141–147. EDN: YZARRJ.
19. Тер-Аванесова И.Н. Проблемы определения границ возраста молодежи в условиях цифровой социализации // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2021. – № 2 (85). – С. 49–57. EDN: VMPNMJ.
20. Цифровая социализация личности: проблемный анализ / Г.Ю. Козловская, Н.Н. Борозинец, Н.Н. Крыжевская, А.В. Каспарова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2023. – № 4. – С. 76–82. EDN: BRXKNS.
21. Одарюк И.В. Формирование цифровой социализации молодежи на основе актуализации стратегий самопрезентирования // Образовательные ресурсы и технологии. – 2024. – № 4 (49). – С. 56–65. DOI: 10.21777/2500-2112-2024-4-56-65. EDN: ONIUM.
22. Сохраняева Т.В. Цифровая социализация как проблема философии образования // Философия образования. – 2018. – № 1 (74). – С. 35–43. DOI: 10.15372/PHE20180105. EDN: YWWLZT.
23. Морозова Е.В., Плотицкина Н.В., Попова К.И. Государство как агент цифровой социализации // Вестник Пермского университета. Политология. – 2019. – Т. 13. – № 2. – С. 5–16. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-5-16. EDN: VOSDFH.
24. Сауткина В.А. Виртуальная занятость: новые возможности и риски // Социально-трудовые исследования. – 2020. – № 2 (39). – С. 57–68. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-39-2-57-68. EDN: EFGHJM.
25. Тишкова А.С. Особенности цифровой социализации современной молодежи: теоретический экскурс // Человеческий капитал. – 2023. – № 12 (180). – С. 212–218.
26. Палаткина А.Ю. Цифровая социализация старшеклассников как педагогическая проблема // Управление образованием: теория и практика. – 2023. – № 12-1 (72). – С. 27–36. DOI: 10.25726/m4733-4522-8808-e. EDN: CLJOHT.
27. Субкультура и социализация: меняющиеся стили поведения в цифровом обществе / И.В. Лескова, Т.Н. Юдина, Е.Е. Киселева, А.А. Ушаков // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 1–10. EDN: KCJPLJ.

28. Гревцева Г.Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2022. – Т. 14. – № 1. – С. 40–49. DOI: 10.14529/ped220104. EDN: BQUORO.
29. Тоганова Ж.К., Сыздыкова М.Б. Цифровая социализация: дети и подростки в современном информационном пространстве // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2024. – № 1 (64). – С. 144–154. DOI: 10.26907/2079-5912.2024.1.144-154. EDN: QFQKNW.
30. Солдтова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. – М.: Смысл, 2018. – 37 с.
31. Ходаев А. С. Виды социализации в Интернете: вопрос соотношения // Гаудеамус. – 2023. – Т. 22. – № 3. – С. 25–34. DOI: 10.20310/1810-231X-2023-22-3-25-34. EDN: MQHLHT.
32. Хабибуллина З.Н. Подходы к постчеловеку в полицентричном пространстве // Бюллетень науки и практики. – 2023. – Т. 9. – № 1. – С. 335–339. DOI: 10.33619/2414-2948/86/49. EDN: LHYYQJ.
33. Рерке В.И. К вопросу изучения информационной социализации обучающихся // От истоков идей Новой педагогики к феноменологии современной гуманизации педагогической теории и практики: Материалы Всероссийских педагогических чтений, посвященных памяти профессоров С.В. Кульневича и В.И. Лещинского. – Воронеж: Научная книга, 2019. – С. 181–187. EDN: RPMFMU.
34. Грязнова Е.В., Хлап А.А. Информационная социализация личности: утраты и приобретения // Образование и проблемы развития общества. – 2020. – № 2 (11). – С. 73–79. EDN: IYZZHS.
35. Волкова Е.Н., Сорокумова Г.В. Психологические критерии благополучия современных подростков в контексте изучения цифровой социализации // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15. – № 2. – С. 12–27. DOI: 10.17759/sps.2024150202. EDN: GEZWDK.
36. Мкртумова И.В. Цифровая социализация: симбиоз массмедиа и искусственного интеллекта как канал фокусного конструирования ценностных ориентаций молодёжи (социально-одобряемых или ложных) // Социология. – 2023. – № 6. – С. 211–219. EDN: MYGVYK.
37. Ускова Е.В. Цифровая социализация подростка в семье // Социальная политика и социология. – 2024. – Т. 23. – № 3 (152). – С. 89–96. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-3-89-96.

Информация об авторе

Виктория Алексеевна Шелгинская, соискатель, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66; victoria.shelg@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5075-5984>

Поступила в редакцию: 04.03.2025

Поступила после рецензирования: 20.05.2025

Принята к публикации: 30.06.2025

REFERENCES

1. Mozalevskaya D.A. Actor-network theory as a methodology of modern social research. *Journal of the Belarusian State University, Philosophy and Psychology*, 2022, no. 3, pp. 67–75. (In Russ.) EDN: RHAIOO.
2. Reznik Yu.M. Sociocultural approach as a research methodology. *Issues of social theory*, 2008, vol. 2, pp. 305–328. (In Russ.) EDN: NRBVPR.
3. Lapin N.I. Sociocultural approach and societal-functional structures. *Sociological Research*, 2000, no. 7, pp. 3–12. (In Russ.) EDN: SYRCZN.
4. Ragulina A.M. The possibilities of applying classical theories of socialization in modern sociological research. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2022, no. 5, pp. 78–84. (In Russ.) DOI: 10.24158/spp.2022.5.11. EDN: AKLOHZ.
5. Kovaleva A.I. Socialization. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2004, no. 1, pp. 139–143. (In Russ.) EDN: IJUGBP.
6. Starodubtseva G.A. On information and digital socialization of preschool children. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2021, vol. 4, no. 8, pp. 77–86. (In Russ.) EDN: KJHQZZ.
7. Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Social Psychology and Society*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 71–80. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2018090308. EDN: YQSMUX.
8. *Concepts of socialization and individualization in modern psychology*. Ed. by T.D. Martsinkovskaya. Moscow, Social Sciences Publ., 2010. 284 p. (In Russ.)
9. Guseltseva M.S. A Cultural-analytical approach to the phenomenon of the information socialization. *The world of psychology*, 2010, no. 3 (63), pp. 26–34. (In Russ.) EDN: MVLQZT.
10. Valevich E.A. The public libraries activities in users' information socialization. *Scientific and technical libraries*, 2013, no. 8, pp. 16–23. (In Russ.) EDN: QZQDTP.

11. Kaznacheeva N.N. The development of value orientations of personality in the study of literature in the information socialisation. *Vestnik of Kostroma State University. Series "Pedagogy. Psychology. Sociokinetics"*, 2016, vol. 22, no. 4, pp. 207–211. (In Russ.) EDN: YFMLEN.
12. Grebennikova O.V. Tutors' information socialization problem: social representations and information preferences. *World of psychology*, 2011, no. 2 (66), pp. 207–213. (In Russ.) EDN: OPHNKP.
13. Golubeva N.A. Golubeva N. A. *Informational socialization (psychological conditions and factors)*. Cand. Dis. Moscow, 2012. 126 p. (In Russ.) EDN: QFZOLD.
14. Belinskaya E.P. Information socialization of adolescents: the experience of using social networks and psychological well-being. *Psychological studies*, 2013, vol. 30, no. 6, pp. 5–16. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.679>. EDN: SFJMHN.
15. Molchanova G.V. Information socialization of preschooler: mail research arias. *Psychology of learning*, 2015, no. 12, pp. 73–83. (In Russ.) EDN: UYMMTR.
16. Gryaznova E.V., Afanasev S.V. Individualization of a person in the information socialization. *Philosophical Thought*, 2017, no. 1, pp. 17–29. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-8728.2017.1.20968. EDN: XXRCSB.
17. Yudeeva T.V. Psychological peculiarities of informational socialization of the personality. *Scientific notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Series "Pedagogy. Psychology"*, 2017, no. 2 (8), pp. 167–171. (In Russ.) EDN: YWBOTJ.
18. Kambarova K.U. Socialization in the century of information. *Current scientific research in the modern world*, 2019, no. 2–3, pp. 141–147. (In Russ.) EDN: YZARRJ.
19. Ter-Avanesova I.N. Problems of "youth age" limits definition in the context of digital socialization. *SEARCH: politics, social science, art, sociology, culture*, 2021, no. 2, pp. 49–57. (In Russ.) EDN: VMPNMJ.
20. Kozlovskaya G.Yu., Borozinets N.M., Kryzhevskaya N.N., Kasparova A.V. Digital socialization of personality: problem analysis. *Economic and humanitarian studies of the regions*, 2023, no. 4, pp. 76–82. (In Russ.) EDN: BRXKNS.
21. Odaryuk I.V. The forming of youth digital socialization based on actualization of self-presentation strategies. *Educational resources and technologies*, 2024, no. 4 (49), pp. 56–65. (In Russ.) DOI: 10.21777/2500-2112-2024-4-56-65. EDN: ONIUIUM.
22. Sokhranyaeva T.V. Digital socialization as a problem of philosophy of education. *Philosophy of Education*, 2018, no. 1 (74), pp. 35–43. (In Russ.) DOI: 10.15372/PHE20180105. EDN: YWWLZT.
23. Morozova E.V., Plotichkina N.V., Popova K.I. The state as an agent of digital socialization. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 5–16. (In Russ.) DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-5-16. EDN: VOSDFH.
24. Sautkina V.A. Virtual employment: new opportunities and risks. *Social and labor research*, 2020, no. 2 (39), pp. 57–68. (In Russ.) DOI: 10.34022/2658-3712-2020-39-2-57-68. EDN: EFGHJM.
25. Tishkova A.S. Features of digital socialization of modern youth: theoretical excursion. *Human capital*, 2023, vol. 12, no. 180, pp. 212–218. (In Russ.) DOI: 10.25629/HC.2023.12.19. EDN: OFXNHN.
26. Palatkina A.Yu. Digital socialization of high school students as a pedagogical problem. *Education Management Review*, 2023, vol. 13, no. 12-1, pp. 27–36. (In Russ.) DOI: 10.25726/m4733-4522-8808-e. EDN: CLJOHT.
27. Leskova I.V., Yudina T.N., Kiseleva E.E., Ushakov A.A. Subculture and socialization: changing styles of behavior in the digital society. *World of Science. Series "Sociology, Philology, Cultural Studies"*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 1–10. (In Russ.) EDN: KCJPLJ.
28. Grevtseva G.Ya. Digital socialization of a person in educational environment. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Education. Educational Sciences"*, 2022, vol. 14, no. 1, pp. 40–49. (In Russ.) DOI: 10.14529/ped220104. EDN: BQUORO.
29. Toganova Zh.K., Syzdykova M.B. Digital socialization: children and young people in the modern information space. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*, 2024, no. 1, pp. 144–154. (In Russ.) DOI: 10.26907/2079-5912.2024.1.144-154. EDN: QFQKNW.
30. Soldtova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. *Digital generation of Russia: competence and security*. Moscow, Smysl Publ., 2018. 37 p. (In Russ.)
31. Khodayev A.S. Socialization types on the Internet: correlation issue. *Psychological-Pedagogical Journal "Gaudeamus"*, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 25–34. (In Russ.) DOI: 10.20310/1810-231X-2023-22-3-25-34. EDN: MQHLHT.
32. Khabibullina Z.N. Approaches to the posthuman in a polycentric space. *Bulletin of Science and Practice*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 335–339. (In Russ.) DOI: 10.33619/2414-2948/86/49. EDN: LHYYQJ.
33. Rerke V.I. To the question of studying information socialization of students. *Proceedings of the All-Russian Pedagogical Readings dedicated to the memory of professors S.V. Kulnevich and V.I. Leshchinsky "From the origins of the ideas of New Pedagogy to the phenomenology of modern humanization of pedagogical theory and practice"*. Voronezh, Scientific book Publ., 2019, pp. 181–187. (In Russ.) EDN: RPMFMU.
34. Gryaznova E.V., Khlap A.A. Information socialization of the individual: losses and acquisitions. *Education and problems of society development*, 2020, vol. 2, pp. 73–79. (In Russ.) EDN: IYZZHS.

35. Volkova E.N., Sorokoumova G.V. Psychological criteria of adolescent well-being in the context of digital socialization. *Social Psychology and Society*, 2024, vol. 15, no. 2, pp. 12–27. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2024150202. EDN: GEZWDK.
36. Mkrtumova I.V. Digital socialization: symbiosis of mass media and artificial intelligence as a channel of focal construction of value orientations of youth (socially approved or false). *Sociology*, 2023, no. 6, pp. 211–219. (In Russ.) EDN: MYGVYK.
37. Uskova E.V. Digital socialization of a teenager in the family. *Social Policy and Sociology*, 2024, vol. 23, no. 3 (152), pp. 89–96. (In Russ.) DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-3-89-96. EDN: DCVJDZ.

Information about the author

Victoria A. Shelginskaya, Postgraduate Student, Ural Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 66, 8 marta street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; victoria.shelg@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5075-5984>

Received: 04.03.2025

Revised: 20.05.2025

Accepted: 30.06.2025